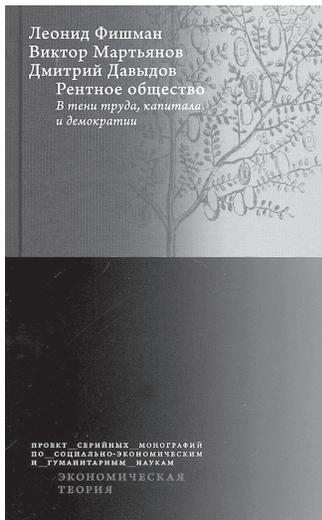

абсолютной идеологии»¹³. В силу своей этической составляющей книга Минакова преодолевает узкие рамки чисто научного исследования и становится значимым публичным высказыванием, которое сложно оставить без внимания.

СВЕТЛАНА ЩЕРБАК

Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии

ЛЕОНИД ФИШМАН, ВИКТОР МАРТЬЯНОВ,
ДМИТРИЙ ДАВЫДОВ
М.: Издательский дом Высшей школы
экономики, 2019. – 416 с.

РЕНТА ВЫХОДИТ ИЗ ТЕНИ

Коллективная монография екатеринбургских авторов посвящена одной из самых актуальных проблем устройства современного общества – переходу от «общества труда» к «рентному обществу». Исходные постулаты таковы: завершение глоба-

лизационных процессов остановило и безудержный экстенсивный рост рынков; нараставший в последние полвека процесс контроля за производством со стороны «социального государства» получил новый импульс на фоне сокращения роста производства – а следовательно, дефицита наличных ресурсов. В благосостоянии широких масс снижается доля, получаемая путем участия в производстве, и все более возрастает доля, получаемая внеэкономическим перераспределением ресурсов через государственные структуры. Общество, основанное на законах труда, капитала и рынка, постепенно все более уступает место политико-административному и силовому регулированию. Распад экономических классов вызывает серьезнейшее изменение в самоидентификации человека в новом, если не постиндустриальном, то пострыночном, мире. Это приводит к коренным изменениям в социальной психологии: тезис «я честно заработал» уступает место «мне положено», что приводит к серьезнейшим изменениям в общественном сознании и его политических проявлениях.

Отдельная глава посвящена проблеме среднего класса. С одной стороны, авторы констатируют, что средний класс изначально являлся «предметом активного идеологического конструирования со стороны элит» (с. 138), однако на деле оказался механическим соединением разнородных групп, не способным к превращению в «класс-для-себя». С другой стороны, они делают важный вывод, что «российский средний класс проявил себя не столько как субъект, сколько как пространство социальных изменений» (с. 145). При этом ситуация осложняется тем, что существенная часть механизмов реализации политической демократии исторически строилась именно из рас-

13 Минаков М. *Идеология – это эхо умерших, которое контролирует судьбу живых* (<https://huxley.media/filosofskie-razmyshlenija-mihaila-minakova-ideologija-jeto-jeho-umershih-kotoroe-kontroliruet-sudbu-zhivyh/>).

чета на средний класс и сейчас его распад (точнее, редукция к «креативному классу», понимаемому как субэлита «большого среднего класса») означает и кризис наработанной системы демократических процедур представительства. Это означает, что рентному обществу предстоит искать новые средства легитимации.

Исключение все большего числа граждан из общественного производства и возрастание удельного веса «опасных классов» (прежде всего прекариата) не только выводит на первый план патрон-клиентские отношения государства и гражданина, но и размывает веберовскую протестантскую этику, служившую опорой общественной самоидентификации. При этом авторы показывают, что свобода от труда одновременно является и отчуждением от труда; в политическом плане рента выступает прежде всего платой за утраченные возможности. В качестве защитной реакции общества на первый план выходит архаизация. Хотя термин «новая сословность» является метафорой, возрождение «естественного» государства в чем-то будет напоминать модели докапиталистической эпохи.

Авторы предсказывают смещение идеологического самоосознания с принципа справедливости на «этику добродетели», исходящую из неравной ценности для государства отдельных сословий. Интересно, что при этом полностью обходится вниманием религиозное сознание, которое в сегодняшней российской реальности предстает одной из ведущих угроз морально-политическому единству страны. Современное российское общество авторы книги характеризуют как переходное и гибридное, где «ценностно-институциональный центр организован по рентно-сословной модели, в то время как рыночные ценности и институты образуют своего рода защитную периферию» (с. 196). При этом интенции ядра и периферии направлены

противоположно: «защитный слой» ориентирован на модернизацию и изменения, «ядро» – на сохранение *status quo* (с. 237).

Именно с потерей экономических оснований для самоидентификации связан переход политического сознания к дискурсам компенсации за утраченную субъектность: «все новые и новые социальные группы формулируют свою идентичность так, чтобы общество или кто-то еще оказались им должны просто потому, что они есть» (с. 294). Трендом становятся архаизирующие утопии (прежде всего консервативные) и популизм, замена идеологий политтехнологиями.

Авторы достаточно подробно рассматривают понятие «утопия» и роль этого феномена в трансформации капитализма, в политических дискурсах поднимающихся и неподнимающихся классов, касаются проблемы безусловного базового дохода и даже образов будущего в массовом сознании, выраженных в литературной форме («самиздат» в жанре ЛитРПГ). Рассматривая грядущее общественное устройство в рамках категорий личности и отчуждения, они характеризуют рентное общество (прежде всего в аспекте возможного введения безусловного базового дохода) как «эрзац-социализм» (с. 390).

В целом авторам удалось удачно сконструировать и достаточно хорошо разработать проблемное поле; благодаря этому монография имеет хорошие шансы быть востребованной в ближайшие годы. Существенным недостатком (впрочем, это скорее недостаток самой рентной модели, находящейся еще на этапе становления) является неотработанность категориального ряда: авторам поневоле приходится использовать обломки чужих теорий и давать определения, широкие до неразличимости.

Трудно возразить на то, что рентная модель общества обладает значительным объяснительным потенциалом, прежде всего политологическим: действительно,

в большей части массовых протестов последних лет никаких классовых требований не просматривается, а вот претензий на новую самоидентификацию сколько угодно. Однако именно ограниченность авторского замысла книги «верхними» пластами общественного сознания вполне разумна (ибо невозможно объять необъятного) и последовательно реализована, поскольку вынуждает читателя ставить новые вопросы, без которых вряд ли можно найти подтверждение выдвинутым в монографии гипотезам. Прежде всего – при любой смене дискурса экономическая основа политических процессов никуда не делась. Было бы чрезвычайно интересно выяснить, например, что именно в нынешнем способе создания прибавочной стоимости рентным обществом дает такую широкую возможность перераспределения ее внеэкономическими способами? Или, если переформулировать вопрос: что произошло с общественным производством, из-за чего классовая самоидентификация стала уступать иным формам, сплошь и рядом более архаичным? Поучительным был бы и исторический анализ отдельных форм государственного управления экономикой. XX век дал нам несколько существенно различающихся моделей, однако в подавляющем большинстве случаев в качестве ведущего звена системы «государство–производство» использовалось до предела идеологизированное монопольное политическое образование партийного типа – назовем это так, ибо на деле ни КПСС, ни КПК не были политическими партиями в смысле хотя бы относительной демократии и легальной меж- и внутрипартийной борьбы за властный ресурс. Более того, эта модель обходилась и без понятия «средний класс» – в сегодняшней России о среднем классе еще упоминают, но вот от идеи создать массовую политическую партию явно отказались. Возможно, сама демократия западного типа, опирающаяся на публич-

ный дискурс политических партий, – это просто пережиток капитализма, индустриального общества. В книге упоминаются рентные группы, являющиеся «наследием» СССР (прежде всего ведомственные; авторы, правда, оговариваются, что их положение сейчас «девальвируется»), и параллельно возникают новые – каково их соотношение? Более того, не рассмотрена динамика разных видов рент (например ведомственной и географической). Работая в рамках рентной модели, авторы, естественно, не могли поставить и глобального вопроса: не является ли рента на самом деле просто временной архаизирующей формой распада социального государства точно так же, как средний класс оказался конгломератом осколков старых экономических классов? В этом случае нам следует ожидать не возврата к сословному обществу (пусть и на новом этапе), а возникновения какого-то принципиально иного типа общества. Впрочем, когда после прочтения монографии вопросов появляется больше, чем было дано ответов, – это хороший знак.

Андрей Якубовский

Тайны и заговоры. По следам расследований

Люк Болтански

СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 502 с. – 2500 экз.

Первой экранизацией детективных романов о комиссаре Мегрэ был фильм Жана Ренуара «Ночь на перекрестке» (1932), появившийся всего через несколько лет после первых книг Жоржа Сименона. Режиссер в этой картине вовсе показал себя сыном отца-импрессиониста: постоянный туман, странные ракурсы, тягучая эротика и подчеркнутая рыхлость сюжета. Почти все повествование разворачивается ночью,